

Людмила Николаевна КозловаБрянский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки», Брянск, Россия
e-mail: lyu-k@mail.ru**Повтор как элемент идиостиля Б. Шлинка в романе «Чтец»
и его переводной русскоязычной версии**

Аннотация. В статье рассматривается специфика идиостиля немецкоязычного писателя Б. Шлинка, проявляемая в использовании различных типов повтора. Исследование проводится на материале романа «Чтец» и его перевода на русский язык. Цель работы состоит в определении степени переводимости структурного, семантического и функционального своеобразия повторов, выступающих идиостилистическим маркером. Осуществляется классификация их наиболее употребительных видов, описываются передаваемые значения и выполняемые функции. Анализируется экспрессивный потенциал повторов и его возрастание за счет увеличения количества повторяемых элементов, их расположения в тексте, сочетания разных форм и типов повтора. Проводится сопоставление выявленных примеров с их переводными соответствиями. Делается вывод о преимущественном снижении выразительных возможностей повтора при переводе вследствие его не полной передачи.

Ключевые слова: повтор, идиостиль, Б. Шлинк, художественный текст, перевод.

Liudmila N. KozlovaBryansk State Technical University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Bryansk, Russia
e-mail: lyu-k@mail.ru**Repetition as an Element of B. Shlink's Idiostyle in the Novel "The Reader"
and Its Translated Russian Version**

Abstract. The article examines the specifics of the idiostyle of the German-speaking writer B. Schlink, shown in the usage of various types of repetition. The research is based on the novel "The Reader" and its translation into Russian. The purpose of the work is to determine the degree of translatability of the structural, semantic and functional originality of repetitions acting as an idiostylistic marker. The classification of their most common types is carried out, the transmitted meanings and the functions performed are described. The expressive potential of repetitions is analysed as well as its growth due to an increase in the number of repeated elements, their location in the text, a combination of different forms and types of repetition. The examples are compared with their translation equivalents. It is concluded that there is a predominant decrease in the expressive abilities of repetition in translation due to its incomplete transmission.

Keywords: repetition, idiostyle, B. Shlink, literary text, translation.

Введение (Introduction)

В современных лингвистических исследованиях всё чаще в центре внимания оказывается художественный текст как уникальный продукт, в котором особенности функционирования языковых единиц разных уровней взаимосвязаны, взаимообусловлены и проявляются сквозь призму индивидуального стиля писателя.

Индивидуальный стиль, или идиостиль, будучи сложным и многоаспектным явлением, включает в себя ряд стилистических, языковых, психолингвистических, семантических,

когнитивных параметров [1, с. 113]. Однако, прежде всего, идиостиль связывают с понятием языковой личности и ее способностью выражать через текст свою индивидуальность [2, с. 75], особенности сознания и представления о действительности [3, с. 79] путем отбора языковых и образных средств. Уникальная система таких средств, формируемая в течение всей жизни, и закономерности ее использования во всех произведениях автора образуют идиолект, связанное с идиостилем, но не тождественное ему понятие [1, с. 109–110; 4, с. 361].

© Козлова Л. Н., 2025

Для цитирования: Козлова Л. Н. Повтор как элемент идиостиля Б. Шлинка в романе «Чтец» и его переводной русскоязычной версии // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 84–88. DOI: 10.36809/2309-9380-2025-48-84-88

Иными словами, идиостиль проявляется в художественном тексте сочетанием общеупотребительных и индивидуально-авторских элементов [5, с. 43], как тенденция, совокупность предпочтений в использовании языка [6, с. 376], как характерные черты своеобразия, отклоняющиеся от нормы [7, с. 170].

Среди множества языковых явлений, частотное употребление которых образует общий фонд идиостилистических черт, открывающих доступ к неявно выраженной информации и таким образом реализующих коммуникативную стратегию автора [8, с. 89], особое место занимает повтор.

Изучение повтора в этом ракурсе представляется особенно актуальным с учетом его функциональных характеристик. Выполняя свою основную синтаксическую функцию связующего составляющего, повтор может служить фигурой особой выразительности и экспрессивности [9, с. 142], повышающей эмоциональный потенциал текста [10, с. 64], средством ритмизации [11, с. 257], организации синтаксических единиц [12, с. 59], быть неким регулятором, оказывая на читателя прагматическое воздействие [13, с. 206]. При этом формально в повторе всегда проявляется синтаксическая избыточность [14, с. 2857], что неизбежно ведет к изменению семантики высказывания и смещению акцентов [15, с. 200].

Новизна предлагаемой работы состоит в привлечении переводческого аспекта при описании идиостилистической специфики, проявляемой разными типами повторов. Практический материал, послуживший основой данного исследования, ранее в этом ракурсе не изучался.

Основная цель статьи заключается в установлении того, насколько полно и точно передается повтор как элемент идиостиля в переводном тексте.

Методы (Methods)

Предметом исследования послужили повторы, полученные методом сплошной выборки из романа немецкоязычного писателя Б. Шлинка «Чтец» (*Der Vorleser* [16]), общий объем произведения — 207 страниц. Оригинальный текст сопоставляется с его переводной русскоязычной версией [17], перевод выполнен Б. Н. Хлебниковым.

Выявленные примеры подвергаются классификации, в результате которой выделяются две основные группы — повторы лексического и синтаксического уровней. Внутри каждой группы происходит дальнейшее разделение в зависимости от частоты употребления повторов, их структурных характеристик, расположения повторяемых элементов относительно друг друга и высказывания в целом.

Особенности употребления повторов описываются с учетом их функциональной нагрузки, при этом во внимание принимаются как фоновые повторы, образующие общий план повествования, так и повторы-константы, фигурирующие постоянно, используемые в связи с главными действующими лицами и объединяющие текст в единое структурно-семантическое целое [18, с. 178].

Помимо описательного метода в статье используется метод контекстуального анализа, элементы интерпретационного анализа семантики повторов, метод сопоставительного анализа языка оригинала и перевода.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В исследуемом тексте на лексическом языковом уровне были выявлены следующие типы повторов:

1. Простой повтор с контактным расположением повторяемых элементов.

„*Michael, Michael, Michael*“. *Sie probierte den Namen aus* [16, S. 35].

— *Михаэль, Михаэль, Михаэль*. — *Она словно пробовала мое имя на слух* [17, с. 18].

Данный пример является ответной репликой, следующей после того, как главный герой, от лица которого ведется повествование, называет свое имя. Семантика, передаваемая многократным повтором, отчасти указана в авторской ремарке. Ханна Шмиц узнает новое о Михаэле, и ее размышления о том, кем является ее юный знакомый, чем занимается, сколько ему лет, находят эксплицитное выражение в повторе. Переводной русскоязычный вариант здесь полностью соответствует оригиналу.

...*die Mädchen ihr vorgelesen haben, Abend um Abend um Abend* [16, S. 112].

...*они читали ей вслух каждый вечер, каждый вечер* [17, с. 51].

В данном случае повтор представляет собой уточняющую конструкцию, вводит дополнительные значения регулярности, монотонности повторяемого действия. Заметим, что простой контактный повтор становится явной чертой идиостиля писателя при большом количестве повторяемых языковых единиц. Однако в переводной версии трем лексемам *Abend* соответствуют только две, что снижает общую экспрессию высказывания.

Also hätte ich... hätte nicht... hätte ich mich bei Siemens nicht melden dürfen [16, S. 108].

Значит... Выходит, не следовало мне тогда на «Сименсе» давать согласие? [17, с. 49]

Двукратный повтор вспомогательного глагола *hätte* выдает неуверенность и волнение главной героини, Ханна Шмиц, также это подчеркивает и замена при первом повторе подлежащего *ich* на отрицательную частицу *nicht*. При переводе на русский язык используется семантический тип повтора, переводными эквивалентами выступают синонимы *значит* и *выходит*, снижение количества повторяемых элементов приводит к уменьшению выразительности реплики.

2. Расширенный повтор, при котором повторяемый компонент получает уточнение. Для исследуемого художественного текста характерно многократное повторение лексических единиц при расширенном повторе, за счет чего их семантика получает особую акцентную окраску. Приведем примеры.

Zugleich war ich traurig über sie, traurig über ihr verspätetes und verfehltes Leben, traurig über die Verspätungen und Verfehlungen des Lebens insgesamt [16, S. 178].

Одновременно мне было грустно, грустно потому, что многое в ее жизни слишком запоздало или было упущено, мне было грустно вообще из-за того, что жизнь полна опозданий и упущений [17, с. 81].

В данном примере лексема *traurig* используется в одном предложении трижды, иллюстрируя угнетенное душевное

состояние главного героя. При этом расширяющие семантику указанной лексемы компоненты также повторяются, но с частеречной модификацией прилагательных в существительные. Русскоязычный перевод меняет расположение слов при первом повторе, тем самым преобразуя его в повтор-подхват. В остальном же структура и принцип повтора сохраняются, как и создаваемые им смысловые акценты.

Отметим, что повтор-подхват также весьма частотен в исследуемом произведении, но подробно уже рассматривался нами ранее в отдельной статье [19].

*...und die Häftlinge... drücken sich an **die Wand, in die Wand**, wollen **in der Wand** verschwinden* [16, S. 141].

*...заключенные... жмутся **к стене**, словно желая **вдавиться в эту стену**, спрятаться **внутри*** [17, с. 63].

Как и в рассмотренном выше примере, здесь приводится эпифорическое расположение расширенного повтора. Отметим, что уточняющим повторяемую лексему *Wand* элементом является сочетание предлога и артикля, а в случае второго повтора — еще и однородного сказуемого. Двукратный повтор показывает силу желания заключенных найти спасение, укрытие, с которым отождествляется стена. В переводной версии используется однократный повтор, и экспрессивность фразы снижается.

3. Сочетание расширенного и кольцевого повтора.

Aufarbeitung! Aufarbeitung der Vergangenheit!** Wir Studenten des Seminars sahen uns als Avantgarde der **Aufarbeitung [16, S. 87].

Осмысление! Осмысление прошлого!** Мы, студенты, участники семинара, считали себя авангардом тех, кто взялся за **осмысление прошлого [17, с. 41].

Повтор темы юридического семинара, сначала с уточняющим компонентом, а затем в конце высказывания, эмфатически выделяет ее важность и сложность, особенно для послевоенного поколения Германии, к которому принадлежит и рассказчик. Таким образом расширенный повтор сочетается с кольцевым. При переводе наблюдается незначительное изменение конструкции, в конце фразы еще раз приводится повтор с уточнением.

*Sie begriffen es und **schrien auf, schrien in Entsetzen, schrien um Hilfe**, stürzten zu den Türen, rüttelten daran, schlugen dagegen, **schrien*** [16, S. 118].

*Все поняв, они **заголосили, закричали от ужаса, принялись звать на помощь**, бросились к дверям, начали биться в них, **продолжая кричать*** [17, с. 53].

Здесь многократный повтор глагола *schrien* с различными уточнениями, а также и в конце предложения, воссоздает страшную картину паники запертых в горящей церкви заключенных. В русскоязычной версии обращает на себя внимание использование семантического повтора, когда в качестве переводных эквивалентов используются синонимы *заголосить, закричать, звать*, причем семантика расширяющих повтор компонентов соответствует оригиналу.

4. Повтор структурных компонентов слов.

*Die Wälder waren Teppiche in **Grün**, mit **gelbgrünen, hellgrünen, flaschengrünen, blau- und schwarzgrünen** Tüpfeln, Flecken und Flächen* [16, S. 53].

*Леса казались **зеленым** ковром с просветами, пятнами, прогалинами всех оттенков этого цвета от желто-*

*ватого до салатного, **сине-зеленого** и темно-зеленого* [17, с. 27].

Многократное повторение лексемы *grün* с уточняющими значение компонентами создает яркое, живописное описание весенней природы. При переводе количество повторяемых слов уменьшается до трех, а диапазон палитры остальных оттенков передается прилагательными, не имеющими в своем составе компонента *зеленый*, т. е. здесь можно говорить об элементах семантического повтора.

*Ich hatte **gedankenlos, rücksichtslos, lieblos** gehandelt* [16, S. 49].

*Да, был **глуп, эгоистичен, бессердечен*** [17, с. 23].

В данном примере повтор суффикса *los* выражает особое негативное отношение рассказчика к своим действиям, выполняет оценочную функцию. В переводном варианте используются синонимичные соответствия русского языка, но повтор как таковой отсутствует.

Повторы на синтаксическом языковом уровне также можно отнести к ярким приметам идиостиля Б. Шлинка в исследуемом тексте. Рассмотрим их наиболее употребительные типы.

1. Повтор предикативных основ.

*Ich **erkannte** sie erst, als sie aufgerufen wurde... Natürlich **erkannte ich** sofort den Namen: Hanna Schmitz. Dann **erkannte ich** auch die Gestalt... <...> Ich **erkannte** sie, aber ich **fühlte nichts**. Ich **fühlte nichts*** [16, S. 91].

*Я **узнал** ее лишь тогда, когда, вызванная судьбой... Конечно, я сразу **узнал** имя и фамилию: Ханна Шмиц. Потом **узнал** фигуру... <...> Я **узнал** ее, но **ничего не почувствовал**. **Совсем ничего*** [17, с. 43].

В данном примере предикативная основа *ich erkannte* употребляется четыре раза, причем расположение подлежащего и сказуемого меняется, как того требуют правила грамматики немецкого языка. В русскоязычном тексте также дается иной порядок слов при повторе, один раз опускается подлежащее. С помощью повтора автор передает постепенность процесса узнавания, отмечая его этапы. Результат этого процесса приводится в конце фразы и также эмфатически выделяется повтором простого двусоставного предложения *ich fühlte nichts*. При переводе же повторяется только лексема *ничего*, но общая выразительность отчасти сохраняется за счет использования усиления *совсем*.

Примечательно, что повтор указанного предложения встречается еще раз в следующей главе, несколько страниц спустя. Тем самым, с одной стороны, обеспечивается связанность текста, а с другой — душевное состояние героя, его неспособность испытывать какие-либо чувства, актуализируется как сквозная тема второй части повествования:

*Ich **fühlte nichts**.*

*Während der wochenlangen Gerichtsverhandlung **fühlte ich nichts*** [16, S. 96].

Чувств они никаких не вызывали.

*На протяжении многих недель судебных заседаний я **ничего не чувствовал*** [17, с. 45].

В русскоязычной версии используется приближенный перевод первого предложения, и лишь корневой повтор, что значительно снижает стилистическую отмеченность.

2. Тавтологические предложения, основанные на повторе субстантива в именительном падеже или инфинитива в позиции субъекта и предиката с обязательным наличием связки [12, с. 59]. Подобные синтаксические конструкции всегда обладают повышенной экспрессией, а их использование в художественном тексте является яркой идиостилистической чертой. Приведем примеры:

Aber das Handeln vollzieht nicht einfach... Es hat seine eigene Quelle und ist auf ebenso eigenständige Weise mein Handeln, wie mein Denken mein Denken ist und mein Entscheiden mein Entscheiden [16, S. 22].

Но *поспункти* не являются простым следствием... У них есть собственный источник, такое же свое *самостояние*, которое делает *мои мысли моими мыслями*, а *мои решения — моими решениями* [17, с. 14].

В первой части данной фразы наблюдается повтор лексемы *Handeln*, структура которого также соответствует тавтологическому предложению, но встроенному в контекст повествования. Два последующих примера за счет отождествления выражают осознание героем ответственности за свои действия. Отметим также опущение глагола-связки, обусловленного спецификой употребления однородных сказуемых в придаточных предложениях. В переводе тавтологические предложения как таковые отсутствуют вследствие изменения синтаксической роли повторяемых существительных.

...und ich sehe ihn mit derselben Traurigkeit... Ist diese Traurigkeit die Traurigkeit schlechthin? [16, S. 39]

...что наполняет меня не меньшей грустью... Не сродни ли всякая грусть именно этой грусти? [17, с. 19]

Тавтологическое предложение в приведенном примере распространяется наречием *schlechthin* («абсолютно, типично»), а его выразительность усиливается наличием повторяемого существительного в предшествующей фразе. В русскоязычном варианте слово *грусть* также используется три раза, но структура тавтологического предложения нарушается, что приводит к снижению экспрессивности.

3. Повтор вопросительных предложений, особенно часто встречается в диалогах персонажей:

Was war los, was war los — wie dumm du immer fragst [16, S. 55].

— *Как — что случилось? Вечно у тебя глупые вопросы* [17, с. 28].

В данном примере повтор вопроса выдает раздражение и злость героини, о чем говорит и авторская ремарка, отсутствие повтора в переводной версии снижает уровень эмоциональной напряженности.

„Hatten Sie Angst? Hatten Sie Angst, daß die Gefangenen Sie überwältigen würden?“ <...> „Hatten Sie Angst, daß man Sie im Fall der Flucht verhaften, verurteilen, erschießen würde?“ [16, S. 122].

— *Вы испугались? Испугались, что заключенные нападут на вас? <...> — Вы боялись, что за непредотвращение побега вас арестуют, осудят и расстреляют?* [17, с. 55].

Приведенный в начале фразы вопрос встречается затем дважды, причем в первом случае образуя повтор-подхват, этот прием сохраняется и при переводе на русский язык.

В данном примере многократный повтор выстраивает структуру допроса председательствующего, одновременно делая его более эмоциональным. Примечательно, что в русскоязычной версии для перевода вопроса при втором повторе используется синонимичный эквивалент.

4. Повтор отдельных частей предложения с их дистантным расположением в пределах больших по объему фрагментов текста. Например, на странице 120 оригинала дважды встречаются словосочетания *sprach dafür* и *so las es sich*, на странице 133 — фраза *Stell dir vor* употребляется пять раз, из них трижды с расширяющими значение компонентами. При этом перевод приведенных примеров обнаруживает практически полную идентичность в русскоязычной версии.

Очевидно, что повтор подобного рода обеспечивает связанность текста, упорядочивает размышления главного героя, его воспоминания о судебном процессе, занимающие значительную часть романа.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе Б. Шлинка «Чтец» повтор выступает явным маркером индивидуально-авторского стиля писателя.

На лексическом уровне языка показательным является употребление простого контактного повтора, расширенного повтора, кольцевого повтора и повтора-подхвата. Примечателен также повтор отдельных структурных компонентов слов в пределах одного высказывания. При этом наиболее экспрессивными оказываются многократные повторы, сочетание их разных типов, уровней и структур.

На синтаксическом языковом уровне к идиостилистическим особенностям можно отнести использование тавтологических предложений, повтор предикативных основ и простых двусоставных предложений, вопросительных предложений, а также отдельных фрагментов предложений с их дистантным расположением внутри значительных по объему текстовых отрезков.

Функциональный спектр повтора как элемента идиостиля в исследуемом произведении весьма разнообразен. Повтор применяется для выражения чувств, эмоций, переживаний героев произведения, для отображения их мыслей и размышлений. За счет повтора обеспечивается связанность текста, происходит структурирование повествования, выделение отдельных смысловых отрезков, идей и тем. Помимо этого, повтор выступает в фоновой функции, сообщая излагаемому дополнительные значения, уточняющие характер протекания действия.

В переводческом аспекте употребления повторов в романе Б. Шлинка «Чтец» прослеживается определенная тенденция к снижению их выразительности вследствие неполной их передачи в переводной русскоязычной версии. Проведенное исследование показывает, что в целом идентичность оригинала и перевода встречается крайне редко, гораздо чаще обнаруживается масса расхождений, в том числе изменение типа и структуры повтора. В связи с чем изучение вопросов переводимости повторов на материале других произведений автора представляется в дальнейшем весьма перспективным.

1. Криницына Е. С. Особенности идиостиля писателя в когнитивном аспекте (на материале сборника эссе Р. Бредбери «Дзен в искусстве написания книг») // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2019. № 4 (426). С. 109–114. DOI: 10.24411/1994-2796-2019-10414
2. Шалифова О. Н., Зубарева В. А. Некоторые особенности идиостиля Агаты Кристи и их воссоздание в переводе ее произведений на русский язык // Поволжский педагогический вестник. 2023. Т. 11, № 2 (39). С. 75–78.
3. Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. 2015. № 5. С. 75–81.
4. Прибыткова В. И., Кушнарёва Т. В. Индивидуальный авторский стиль в художественной литературе (на примере романа Дэна Брауна «Код да Винчи») // Молодежный вестник ИрГТУ. 2022. Т. 12, № 2. С. 360–365.
5. Мурадова А. К., Батаева Д. Н. Лексико-семантические особенности идиостиля Элизабет Гилберт // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 12-2 (73). С. 42–49. DOI: 10.25726/t0563-1132-2186-q
6. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Фатеева Н. А. Идиостиль Ф. М. Достоевского: направления изучения // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 2. С. 374–389. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389
7. Ядрихинская Е. А. Особенности идиостиля писателя-экзистенциалиста А. Камю // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2016. № 3 (272). С. 170–173.
8. Котова Н. С., Кудряшов И. А. Семантический повтор как показатель идиостиля Бориса Поплавского // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 3 (76). С. 87–90.
9. Махрова Е. И. Сравнительный аспект функционирования разнородных повторов во внутритекстовом пространстве (на примере текстов художественных произведений французских авторов) // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2010. № 11 (117). С. 141–146.
10. Макарова Л. С. Повтор как признак поэтического идиолекта Жака Превера и особенности передачи повтора в переводе // Вестн. Адыгей. гос. ун-та. Сер. 2 : Филология и искусствоведение. 2014. № 2 (140). С. 63–67.
11. Щербань Г. Е. Синтаксические и стилистические функции лексического повтора в современной прозе // Изв. Соч. гос. ун-та. 2013. № 3 (26). С. 255–257.
12. Князева Н. В. Лексический повтор как средство организации синтаксических единиц // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5–3. С. 58–61.
13. Денисова А. К. Виды лексико-синтаксических повторов в немецкоязычном художественном тексте // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2017. Т. 23, № 4. С. 206–209.
14. Воробьева Е. Н. Структурно-семантические модели простых повторов в английской разговорной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 9. С. 2856–2861. DOI: 10.30853/phil20230445
15. Петренко С. А. Лексический повтор как феномен прозаического текста // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2020. № 1–1. С. 199–207.
16. Schlink B. Der Vorleser. Zürich : Diogenes Taschenbuch, 1995. 207 S.
17. Шлинк Б. Чтец. М. : Азбука-Аттикус, 2015. 112 с.
18. Устина Н. В., Березовская Л. Г. Фоновые повторы как воплощение главной идеи литературного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–2 (66). С. 178–181.
19. Козлова Л. Н. Переводческий аспект употребления повтора-подхвата в романе Б. Шлинка «Чтец» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 103–108. DOI: 10.36622/2587-9510.2024.29.73.018